

Лилия АМАРФИЙ:

Веч. Москва. - 2000. - 12 мая. - с. 5

Мне казалось, что я Сильва

Несколько лет назад, когда примадонна Московской оперетты Лилия Амарфий оказалась на гастролях в Израиле, чуть ли не в каждом из залов, где она выступала, находился зритель, бросавшийся к певице с возгласом: «Лилия, Лилечка, я из Оргеева! Ты меня узнаешь?». Она узнавала. Потому что в маленьком молдавском городке, во-первых, все пели, во-вторых, все на улицах друг другу улыбались и друг с другом раскланивались. До сих пор она в театре со всеми, даже с незнакомыми людьми, раскланивается первой. А когда приехала в Москву учиться, столица ошарашила ее не размерами и не шиком, а закрытостью живущих в ней людей. Ни привычных улыбок, ни приветливости. Когда Лилия ехала в метро, лица пассажиров казались ей прикрытыми заслонками.

ЖИВАЯ НАТУРА

Галина ОБЛЕЗОВА

-А как вы думаете, почему в Москве так много успешно сделавших карьеру людей из провинции? Потому что мы такие уж пробивные по сравнению с москвичами? Да нет же. Просто наша милая столица настолько жестко бьет «не своих», что эти удары рожают в конце концов такой же силы сопротивление. Москва открыла во мне жизненные силы, о которых я даже не подозревала. Рыдать рыдала, но не сдавалась. Пока училась в ГИТИСе, подрабатывала по ночам уборщицей в МИДе, чтобы прокормиться. Брала напрокат швейную машинку: никаких выкоек, покупаю дешевую ткань — бжик-бжик-бжик. Выкраивала «на раз», папины гены сказывались. Он у меня был самым модным в Молдавии портным, к нему со всех городов съезжались. Раньше ведь как было: шили костюм из хорошей ткани лет на десять — пятнадцать. Забывал папа хорошо, мы с мамой и братом ни в чем не нуждались. Но когда мне исполнилось 14, он внезапно умер, а маме одной тянуть нас было нелегко. Другим девочкам из общезнания родители, конечно,

что-то подкидывали, а я все сама. И вот надену на себя собственными руками сшитое платье — все кругом: «Ах, как она одевается!». А у меня с оборота нитки торчали — убирать их у меня уже не хватало терпения и времени. Потому что в институте тоже долго не складывалось: у меня был жуткий местечковый еврейско-молдавский акцент, я была толстая, как пышка, не могла работать у балетного станка, у меня были проблемы с вокалом.

— **Сегодня ни в то, ни в другое, ни в третье поверить совершенно невозможно!**

— Я рыдала, но потом говорила себе: «Нет, сдаваться ты не имеешь права...» Не было вечера, чтобы я не побывала в каком-нибудь театре. Не было

дня, чтобы я не отправилась в музей. Ведь мой интеллект был на уровне моего провинциального захолустья, и в тот первый год я все впитывала в себя, как губка.

Когда играешь «в кайф», то и зрителю этот кайф передается. И удовольствие, и заработок

шли костюм из хорошей ткани лет на десять — пятнадцать. Забывал папа хорошо, мы с мамой и братом ни в чем не нуждались. Но когда мне исполнилось 14, он внезапно умер, а маме одной тянуть нас было нелегко. Другим девочкам из общезнания родители, конечно,

Каким-то образом почти избавилась от акцента, и меня не выгнали с первого курса. Кое-как перевалила второй. А на третьем распределяли оперные отрывки. Мне не дали ничего. Мой педагог Ирина Ивановна Масленникова сказала: «А ты пой, что хочешь». Я захо-

тела «Соловья» Алябьева, понимая, что совершаю безумие, что это не для меня. И вдруг напрочь ушел не отпуская меня все время страх, и на прослушивании я запела так, что сбежались все, кто был в соседних классах!

После «Соловья» все пошло легче — и пение, и речь, и танец. И уже на пятом курсе меня пригласили в Театр оперетты, где я до сих пор работаю. Правда, и здесь я долго была на второстепенных ролях, о чем не жалею. На этих ролях я училась думать на сцене. Но мечтала, конечно, о Сильве. Мне казалось, что я — Сильва. Хотя бы потому, что родилась в Молдавии, а значит, как можно мне не давать эту роль?! Но не давали, и очень долго.

— **Вы здорово смотрите с Сергеем Алимпиевым!**

— Я проработала в театре долго, уже пела ведущие партии, а у меня все не было партнера. Тот же Герард Васильев — шикарный, замечательный мужик, но как-то у нас с ним не состыковывалось. Юра Веденеев, мой однокурсник, тоже потрясающе хорош — и тоже с ним не получалось. Вдруг приходит молодой парень, «зеленый», неопытный. Мы с ним встали рядом на сцене. Подбежал режиссер и сказал то же, что и вы сейчас: «Лилия, вы так вместе смотрите!». Мы проработали с Сергеем много спектаклей... разбежались, но потом опять возвращались друг к другу.

— **Сейчас вы с ним вместе играете в антрепризу «Сильва». При всей неприличности к такой «Сильве» спектакль, по-моему, великолепный.**

— В российской провинции, в Соединенных Штатах и в Израиле народ висел на люстрах. Оказывается, сказка нужна всем. Особенно в глубинке, где главное развлечение — телевизор, в котором сплошные мерзости и нагнетание безнадеги... А на «Сильве» можно расслабиться: «Боже мой, как хорошо...»

Антрепризу эту придумала я. Мы сами играем, получая удовольствие. А когда играешь «в кайф», то и зрителю этот кайф передается. Седьмой сезон на полную катушку. И удовольствие, и заработок. А так ведь зарплата в оперетте, как и в большинстве театров, грустная.

— **Сегодня вы примадонна. На вас ходят, у вас масса по-**

клонников. Звезды обычно, скажем так, люди непростые. Ответьте по возможности объективно: каков ваш стиль поведения в театре? Вы скандальны, капризны? Часто ли проявляете характер?

— Проявляю. Когда пытаются на меня надавить не по делу.

Например, однажды вышел неприятнейший разговор с главным режиссером, которому не нравилось, что меня часто приглашают сниматься на телевидение. Пришлось ему в резкой форме объяснить, что я не крепостная актриса. Думала, на следующий день появится при-

каз о моем увольнении. Не появился. Видимо, человек что-то понял... Но главное — в театре никому ничего нельзя говорить, ни с кем нельзя делиться. Потому что даже люди, которые к тебе хорошо относятся, все равно нашепчут: «А вы знаете, что о вас Амарфий сказала?..»